

ШОРОЗВОШЫ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
№ 1926 № 18

Акад. В. Г. Пурвиль
Acad. W. Purvit

АКАДЕМИКЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ ПУРВИТЬ

I

На фонѣ искусства яркая личность В. Г. Пурвита появилась въ концѣ 90-хъ, въ началѣ 900 годовъ. Спустя годъ послѣ блестящаго

окончанія Пурвитомъ Петербургской Академіи Художествъ въ 1898 году, Рижское художественное общество устроило выставку его кар-

В. Г. Пурвиль
W. Purvit

„Послѣдній снѣгъ“
„The last snow“

тинъ. Рижанамъ по тому времени выставка казалась слишкомъ „модернистской“ и не пришлась по вкусу. Многія мѣстные газеты подняли вокругъ нея шумъ. Великолѣпно понимая провинціальную „оцѣнку“ своихъ картинъ, Пурвиль энергично продолжаетъ работу въ направлении и уже спустя нѣсколько лѣтъ, принимая участіе въ международныхъ выставкахъ (въ Парижѣ, Мюнхенѣ и въ Ліонѣ) приобретаетъ крупную извѣстность. За свои картины на Ліонской выставкѣ (1902 г.) онъ получаетъ большую золотую медаль и „*Сгоіх de mérite*“, а въ Мюнхенѣ (1901 г.) малую золотую медаль. Начиная съ этого момента, его творчеству неоднократно посвящаются статьи въ ежедневныхъ газетахъ и въ специальныхъ художественныхъ журналахъ. Въ 1913 г. Императорская Академія Художествъ удостоила Пурвита званія академика.

Первый періодъ творчества Пурвита можно отнести къ неореализму, съ нѣкоторымъ вліяніемъ Левитана. Его картины отличаются живописной правдивостью, въ нихъ нѣтъ той безхарактерной и никому ненужной измельченности, которой такъ пестрятъ работы многихъ реалистовъ того времени. Уже въ конкурсной картинѣ („Послѣдніе лучи“), за которую онъ получаетъ званіе художника и заграничную поѣздку, проглядываетъ будущій большой мастеръ продуманной композиціи, глубокой, звучной, красочной манеры и поэтъ наполненной весенними парами коричневато-фіолетовой земли и тающего подъ теплыми лучами солнца снѣга. Видное мѣсто въ характе-

ристичкѣ его творчества перваго періода занимаетъ картина „Послѣдній снѣгъ“.

Въ концѣ 1899 г. Пурвиль уѣзжаетъ на нѣсколько лѣтъ за границу, гдѣ посѣщаетъ многіе крупные центры искусства, принимая участіе въ тамошнихъ выставкахъ.

По возвращеніи изъ заграницы Пурвиль увлекается работой и предается жизни, полной самоотреченія. Онъ работаетъ съ большимъ воодушевленіемъ и рѣдкой стойкостью. Одинъ и тотъ же мотивъ художникъ повторяетъ по нѣскольку разъ, пока не достигаетъ желанныхъ результатовъ въ разрѣшеніи живописныхъ задачъ. Предаваясь строго и систематично студіямъ съ натуры, Пурвиль вырабатываетъ индивидуальное міровоззрѣніе и отношеніе къ природѣ. Только послѣ долгихъ наблюденій и изученій онъ берется за кисть. Каждой новой композиціи предшествуютъ нѣсколько схематическихъ рисунковъ и этюдовъ, чтобы найти необходимое соотношеніе между красками, формой и распределеніемъ декоративныхъ пятенъ. Благодаря такому подходу, пейзажи Пурвита рѣдко связаны съ опредѣленнымъ мѣстомъ въ природѣ. Его журчащіе весенніе ручьи, березовыя рощи, холмы съ проталинами не „портретъ“ какого-либо опредѣленнаго мѣста, а композиція, какъ результатъ долгихъ изученій природы.

Говоря о чувствѣ формы въ картинахъ Пурвита, надо замѣтить, что оно рельефнѣе всего отражается въ изображеніи снѣга. Если знаменитый Карлъ Брюлловъ однажды говорилъ ... „снѣгъ какъ ни пиши, а все выйдетъ раз-

литое молоко“, — то про снѣгъ Пурвита этого сказать нельзя. Тутъ онъ съ присущимъ ему свойствомъ разработалъ свою особую „формулу“ при помощи которой онъ, точно магъ, переноситъ на холстъ то мартовскій, то первый снѣгъ, то снѣгъ при пасмурномъ днѣ, то при яркомъ солнышкѣ. И это богатство тональности онъ достигаетъ краской, которая, въ сущности говоря, темнѣе снѣга! Значитъ, тутъ играетъ роль не столько краска, сколько рисунокъ, другими словами — форма. Дѣйствительно, присматриваясь ближе къ снѣгу Пурвита, замѣчаемъ, что поверхность его снѣга усѣяна разными и какъ бы случайными деталями, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Каждая малѣйшая деталь, будь то ничтожная падающая тѣнь, или еле замѣтный свѣтъ, пробивающійся сквозь стволы деревьевъ, въ картину Пурвита введена

не случайно, а умышленно — какъ сознательно продуманный акцентъ, хорошо подчеркивающій форму для лучшей передачи дѣйствительности снѣжной поверхности. Тутъ лучше всего виденъ остроумный подходъ Пурвита къ разрѣшенію формы, выявляется его разработанная „формула“ или, такъ сказать, — „анатомія снѣга“. Необычайное впечатлѣніе производятъ его стройныя березовыя рощи и гряды холмовъ, обросшія соснами, съ отраженіемъ въ живо написанной водѣ. И тутъ у Пурвита свой подходъ, своя „формула“, ключъ отъ которой — упрощенность и чистозвучность формы. Много вниманія удѣляетъ Пурвиту краскамъ, а также нюансамъ свѣтотѣни, достигая такимъ образомъ богатѣйшей тональности — и въ сѣрой и въ красочной гаммѣ.

А. П р а в д а

II

Далеко отъ насъ ушло то время, когда человекъ считался единственно достойнымъ предметомъ для изображенія его въ искусствѣ. Далекимъ это время сдѣлалось даже не по годамъ, а по духовному нашему росту. Не такъ ужъ давно жилъ Микель-Анджело съ его гордымъ презрѣніемъ въ искусствѣ всего, что не носитъ на себѣ человѣческаго облика. Въ сущности говоря, весь Ренессансъ видѣлъ, на примѣръ, въ природѣ лишь одну рамку для человека, и только голландцы семнадцатаго столѣтія въ лицѣ Я. Рюисдала явились настоящими великими художниками пейзажа, найдя въ немъ самодовлѣющую красоту, которую человекъ часто нарушаетъ своимъ присутствіемъ. Они

первые поняли, что въ природѣ есть „душа, свобода, любовь и языкъ“... Они первые, въ частности, Я. Рюисдаль, начали выражать все это честно, просто и убѣдительно.

Въ этомъ же столѣтіи французъ Пуссенъ, какъ никто, восчувствовалъ величественный историческій пейзажъ, нашель средства для его выраженія, создавъ, такъ называемый, „пейзажъ героическій“. Клодъ Лорренъ, соотечественникъ и современникъ Пуссена, положилъ начало тому пейзажу, который извѣстенъ подъ именемъ „итальянскаго“, представлявшаго искусно скомбинированную декорацію, гдѣ храмы, деревья и скалы имѣютъ очень мало общаго съ дѣйствительностью. Однако, исторія не только не

В. Г. Пурвигъ
W. Purvit

„Весной“
„In Spring“

забыла этого художника, но вознесла его. Глубокое поэтическое чувство, съ которым переданы на картинах К. Лоррена пространство, небо, вода и свѣтъ, спасло эти картины и заставило всѣхъ любящихъ искусство восхищаться ими, особенно ихъ все затопляющимъ собою свѣтомъ, никогда не омрачающимся ни единымъ облакомъ. К. Лорренъ и Пуссенъ — это творцы идеалистическаго пейзажа, идиллически-свѣтлаго у одного и большей частью мрачно-величественнаго у другого. Это пейзажъ міра болѣе благороднаго, чѣмъ — нашъ. Здѣсь воздухъ тоньше и прозрачнѣе, линіи гармоничнѣе и красивѣе. Но названные художники вѣрили въ такой міръ и тѣмъ самымъ подчинили и насъ его очарованію. Ихъ подражатели, лишенные этой вѣры и таланта, писали только скучныя, надуманныя композиціи, снабженныя къ этому приторной красотостью. Не удивительно, что пейзажъ умеръ и исключительное вниманіе живописи обратилось снова на человѣка. Воскресъ пейзажъ во второй половинѣ XIX в. лишь у „барбизонцевъ“: Руссо, эпически изображавшаго природу, не приписывая ей ничего своего, предоставляя ей быть тѣмъ, что она есть, — Дюпре, въ противоположность Руссо, внесшаго въ пейзажъ бурные трагическіе порывы, — Коро, великаго поэта пейзажа, тончайшаго лирика, несравненнаго живописца утренней свѣжести и серебристыхъ вечернихъ тумановъ. Можно сказать, что они явились родоначальниками новаго пейзажа. Они открыли красоты „повседневной“ природы, какого-нибудь самаго обыкновеннаго ея уголка, отъ нихъ пошелъ культъ и исканія свѣта и освѣщенія. Они создали интимность въ своихъ картинахъ природы, поставивъ лицомъ къ лицу съ ней человѣка. Отъ нихъ былъ только одинъ шагъ къ импрессионистскому пейзажу, гдѣ художникъ зналъ одно: природу и свое личное впечатлѣніе, найдя для выраженія этого очень часто мгновеннаго впечатлѣнія, и своеобразную манеру письма.

Пейзажъ утвердился въ искусствѣ. Не идеалистическій — въ его идиллически-гармоническомъ выявленіи, и даже не романтическій, на что искусство и человѣкъ очень падки, а пейзажъ, по основному характеру своему, не считаясь съ манерой самого письма, техникой послѣдняго, и н т и м н ы й. „Люблю песчаный косогоръ, на небѣ сѣренькія тучи, калитку, сломанный заборъ“... Художники изображаютъ родную природу. Красота не только въ Италіи, а вездѣ она. Нужно лишь ее подсмотрѣть и выявить.

Современное общество больше цѣнитъ и любитъ пейзажъ, нежели жанръ и портретъ. Не потому-ли, что интеллигентный человѣкъ нуждается побыть наединѣ съ собой?.. Но когда? Ему мѣшаютъ со всѣхъ сторонъ и люди, и цивилизація съ ея гамомъ. Развѣ онъ отдохнетъ у жанровой картины или портрета? Вѣдь здѣсь опять тѣ же надоѣдливые люди, только сильнѣе и характернѣе подчеркнутые...

Не то пейзажъ... Здѣсь людей нѣтъ. Здѣсь

глазамъ представляется одна лишь природа. Художникъ услыхалъ ея зовъ, разобралъ, что она сказала, и въ зависимости отъ качествъ своего таланта, „показалъ“ въ краскахъ „зовы“, „призывы“ этой природы, сдѣлавъ „удареніе“ на самомъ смыслѣ „зовъ“, благодаря чему мы услышали ихъ, восторнулись... На долю художника выпала здѣсь великая миссія отъ природы: возможно яснѣе передать людямъ всегда благожелательный голосъ всеобщей матери-природы и тѣмъ приблизить ихъ къ лону ея, гдѣ только и возможно исцѣленіе отъ всѣхъ душевныхъ недуговъ. Вотъ почему мы восхищаемся и приходимъ въ восторгъ предъ великими произведеніями, посвященными бытовому, историческому, религіозному жанру и портрету, но лю б и м ъ больше всего пейзажъ. Что это именно такъ, провѣрьте себя... Если мы немного думали надъ психологіей художника, то, вѣдь, совсѣмъ не задумывались надъ психикой зрителя... Тема не менѣе интересная... Кризисы въ искусствѣ могутъ тогда получить и другое освѣщеніе...

Все это и многое, подобное сказанному, очень обязываетъ художника быть на сторонѣ самого себя“...

III

Предъ нами рядъ репродукцій съ картинъ В. Пурвита. Почти вездѣ вода, вода съ своей „сестрой березой“. Эта вода борется съ снѣгомъ, вездѣ уступающимъ ей дорогу, талымъ уже снѣгомъ... Художникъ удѣляетъ ему исключительное вниманіе, сдѣлавъ его чуть-ли не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на своихъ картинахъ, краски которыхъ звучатъ такой поэтической, не безъ скорбныхъ нотокъ, пѣснью объ этомъ „таломъ снѣгѣ“, лишь временномъ гостѣ земли. Вода, постоянный „житель земли“, враждебна „пришельцу“... Съ ненавистью встрѣчаетъ она „Первый снѣгъ“ и торжествуетъ побѣду въ „Весеннемъ половодьѣ“, „Разливѣ“, во время „Оттепели“, „Весной“, когда „Вскрывается рѣка“ и во многихъ вещахъ нашего художника. Лѣсъ стройныхъ березъ неизмѣнно является здѣсь свидѣтелемъ такого „поединка“. Людей нѣтъ. Художникъ имѣетъ дѣло съ одной лишь природой. Онъ остановился на одномъ моментѣ ея великой жизни, чрезвычайно проникся имъ, передалъ полотну, а чрезъ него пріобщилъ и насъ къ этому моменту. И вотъ мы стоимъ предъ картинами этого художника, полные „участія къ талому снѣгу“, очарованные „живыми глазами загадочно смотрящей на насъ воды“, тронутые той „простой улыбкой“, которую посылаютъ намъ легкія, простыя, чистыя березы... Хорошо, что... нигдѣ нѣтъ человѣка. Онъ только помѣшалъ бы намъ прислушаться къ тому, что зазвучало въ душѣ...

Таково „содержаніе“ большинства картинъ В. Пурвита. Конечно, мы встрѣчаемъ у него рядъ и другихъ мотивовъ, напр. „Послѣ дождя“, чудесный пейзажъ по мастерской передачѣ градацій свѣта и тѣней влажнаго воздуха, насыщеннаго дождевыми парами, выявленію жизни

В. Г. Пурвигъ
W. Purvit

„Весеннее половодье“
„High waters in Spring“

деревьевъ, такихъ индивидуальных и въ то же время неотдѣлимыхъ отъ всей окружающей ихъ природы... Дыханіемъ Барбизона обвѣяна эта вещь, подобно тому, какъ въ „Долинѣ Лифляндской Аа“ вы найдете вдругъ такой отдыхъ для души, такое наслажденіе для глаза, влекомаго дымчатой далью и купающагося въ легкомъ радостномъ воздухѣ, что невольно вспомнится Клодъ Лорренъ... Кстати, композиція этой картины съ ея мощно выраженнымъ первымъ планомъ — своеобразной „рамой“ для всего остального, напоминаетъ намъ такія произведенія К. Лоррена, какъ „Времена дня“ Петербургскаго Эрмитажа.

Заговоривъ о композиціи, я не могу не остановиться на той роли, которую играетъ она въ творествѣ В. Пурвита. Она доминируетъ въ его пейзажахъ. При тщательномъ анализѣ ихъ, вы замѣчаете ихъ конструктивный характеръ, такъ сказать, постройку. Художникъ очень заботится о цѣлостности впечатлѣнія отъ его картинъ, для чего умѣло подчиняетъ на нихъ второстепенное главному, всегда имѣетъ центръ, притягивающій къ себѣ вниманіе зрителя, который, поэтому, скоро ориентируется, слѣдовательно, не беспокоится, а, руководимый авторомъ, начинаетъ разбираться во всемъ, что видитъ, переходя отъ одной части картины къ другой, „при свѣтѣ ея центра“. Эта черта таланта В. Пурвита, такъ замѣтно выраженная въ немъ, сообщаетъ его работамъ большой „культурный видъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстную

строгость, не нарушаемую даже всемъ блескомъ красокъ пурвитовской палитры.

IV

Вильгельмъ Георгіевичъ Пурвигъ род. въ 1872 г. въ Юргенбургѣ (въ Лифляндіи) въ крестьянской семьѣ. Первое образованіе получилъ въ Дриссенскомъ уѣздномъ училищѣ. Послѣ окончанія училища, побывъ у своего отца нѣкоторое время помощникомъ мельника, 18-ти лѣтнимъ юношей отправляется въ Петербургъ и поступаетъ въ Академію Художествъ. Тутъ занимался подъ руководствомъ А. И. Куинджи, укрѣпившаго въ немъ непрерывное стремленіе къ изученію природы. Въ 1897 г. Пурвигъ окончилъ Академію и за программу „При послѣднихъ лучахъ“ удостоенъ заграничной поѣздки. Съ 1906 — 1909 г. былъ преподавателемъ въ Ревельскомъ реальномъ училищѣ, а съ 1909 г. завѣдующимъ Рижской Городской художественной школой. Съ 1919 г. — Ректоръ Латвійской академіи художествъ и проф. пейзажной мастерской, а также проф. худ. мастерской въ университетѣ и директоръ Рижскаго городского музея.

О большой активности Пурвита въ жизни искусства свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ имъ устроенныхъ собственныхъ выставокъ не только въ Латвіи, но и въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Кельнѣ, Дюссельдорфѣ, Кенигсбергѣ и т. д. Принималъ онъ также одно время живое участіе и въ художественныхъ выставкахъ

Россіи, особенно въ „Весеннихъ выставкахъ Академіи худ.“ и въ „Мірѣ Искусства“.

Искусство Латвіи въ лицѣ В. Г. Пурвита имѣетъ достойнѣйшаго своего представителя, которымъ оно можетъ по праву гордиться, съ именемъ котораго оно входитъ на страницы исторіи международного искусства, въ частности, въ исторію европейскаго пейзажа. Очеркъ художественной дѣятельности В. Пурвита въ достаточной степени показываетъ, что именно привнесъ съ собою этотъ высокоодаренный художникъ въ пониманіе и въ воспроизведеніе природы, открывъ намъ въ по-

слѣдней тѣ стороны ея жизни, созерцаніе которыхъ такъ обогащаетъ духовный міръ чело-вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ совершенная форма произведеній В. Пурвита, отвѣчая требованіямъ подлиннаго вкуса, ставитъ самого творца этихъ произведеній въ число тѣхъ маэстро, имя которыхъ произносится съ большимъ уваженіемъ. Нисколько поэтому неудивительно, если латвійское общество окружило имя своего художника такимъ ореоломъ любви и поклоненія предъ его выдающимся талантомъ.

Н. И. Мишеевъ

Н. Н. БѢЛОЦВѢТОВЪ

ЕСТЬ У ТЕБЯ...

Есть у Тебя столько весень.
Дашь ли Ты мнѣ одну!
Ликъ твой, Благій, такъ ясенъ.
Темно лицо мое.

Выпью ли я все небо?
Самъ ли я въ немъ утону?
О, Всемогущій! Слабо
Робкое сердце мое.

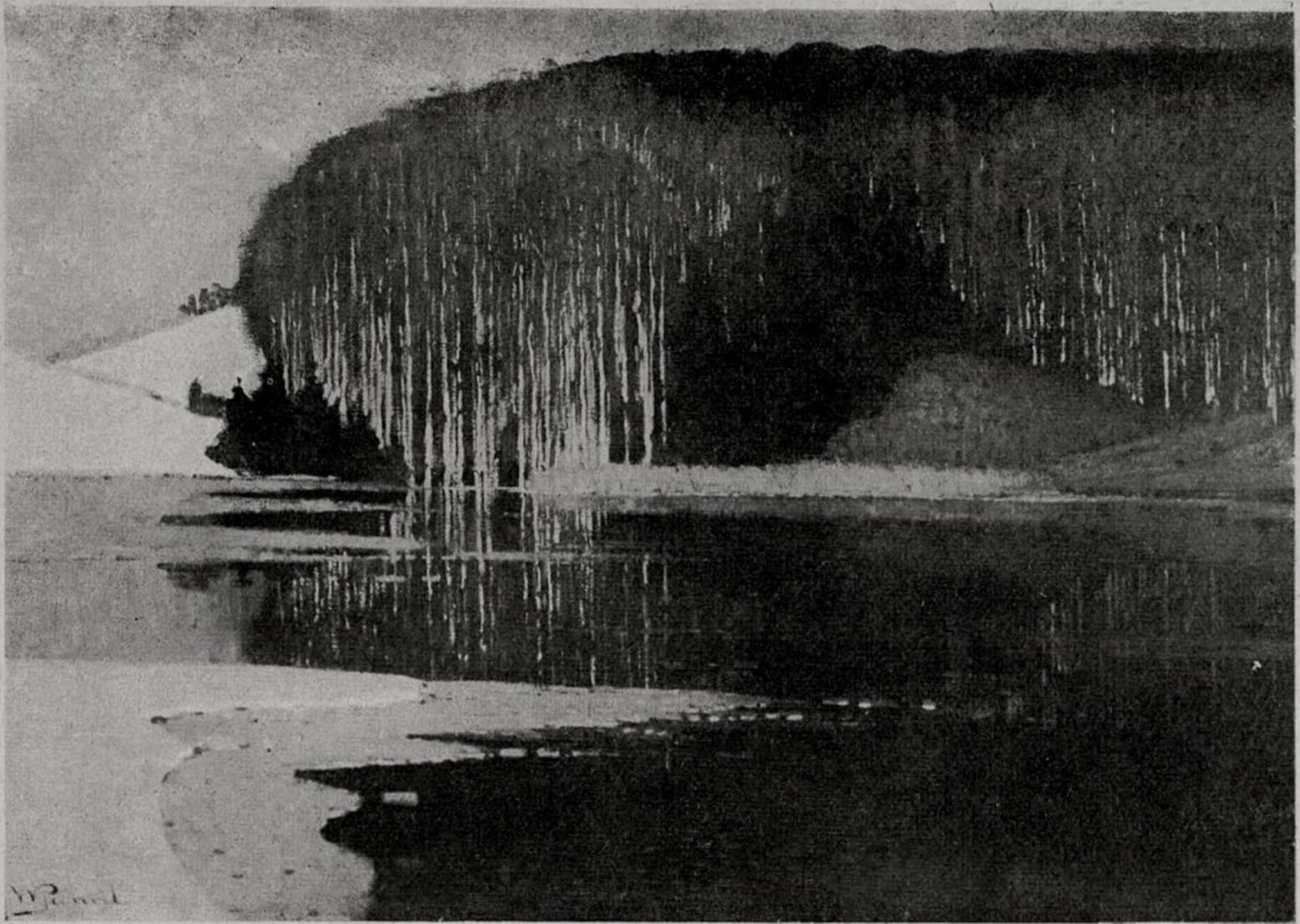
Изъ Твоего океана
Только одну волну
Выплесни! Пѣной соленой
Вымой чело мое.

Н. Н. БѢЛОЦВѢТОВЪ

В. Г. Пурвита
W. Purvit

„Послѣ дождя“
„After rain“

В. Г. Пурвиль
W. Purvit

„Весенний разлив“
„Overflowing waters in Spring“

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЭТЪ СЛАВЯНСКАГО СЕРДЦА ЯРОСЛАВЪ ВРХЛИЦКІЙ

Ярославъ Врхлицкій одинъ изъ рѣдкихъ поэтовъ, братскихъ намъ, Славянскихъ странъ, съ богатою пышностью олицетворяющихъ въ себѣ нашу пѣвучую способность не только воспѣвать свою родину, но, какъ Пушкинъ, какъ Словацкій, какъ Каспровичъ, съ одинаковою легкостью переносящихся отъ Россіи, Польши, Чехіи, къ Египту или Индіи, къ Италиі или Испаніи, къ Англичанамъ или Цыганамъ.

Славянское сердце, любя просторъ и ширь своихъ степей, луговъ и рѣкъ, естественно переходитъ изъ страны въ страну, и ощущаетъ всю землю своей родиной. Но, если Каспровичъ съ любовью переводитъ Англійскихъ поэтовъ, онъ тѣмъ острѣе чувствуетъ, что среди всѣхъ чужихъ и близкихъ странъ Польша ближе ему всего на свѣтѣ, и нельзя, думая о Польскомъ полѣ, о Польскихъ травахъ и о грусти, о музыкально овѣвающихъ Польшу, дыханіяхъ вечерняго вѣтра, никакъ нельзя не вспомнить поэмы „Moja pieśń wieczorna“, „Моя пѣснь вечерняя“, и „Księga ubogich“, „Книга бѣдныхъ“, — а съ другой стороны Чешскій поэтъ Маха, грезя вечеромъ, принимаетъ душою къ безгранному небу, говоря: —

Многозвѣздный, многозлатый
Свѣтовъ ясныхъ рдѣетъ храмъ.

Въ храмѣ тихо, выси святы.
Вѣрно, Богъ въ нихъ тамъ и тамъ.

Но онъ же, грезя о вѣтвяхъ майской березки, говоритъ заклинательно: —

Вы въ своемъ богомольи поклонитесь землѣ,
Ахъ, красивой землѣ, той любимой землѣ,
Колыбели моей и могилѣ моей,
То родимая мать, все владѣнье мое,
Все наслѣдство мое, ширь единой земли.

Это пропѣлъ Чехъ, но въ Русскомъ сердцѣ этотъ поразительный вздохъ проходитъ какъ собственная любовь и собственная тоска. И не нужно быть Полякомъ, чтобы сочувственно вздрогнуть, когда Янъ Каспровичъ поетъ: —

Благословенной да будетъ минута,
Когда возникаетъ вечерній псаломъ души.
Когда отъ тихихъ полей,
Отъ нивъ и рѣчныхъ побережий,
Отъ перекрестковъ и пустырей,
Отъ искривленныхъ хатъ,
Отъ амбаровъ обвѣтренныхъ
Плачетъ крестьянская пѣсенка: —

А играй же мнѣ дудочка,
А играй же мнѣ, играй...
А душа все слушаетъ, слушаетъ,
А день ея гаснетъ.

Ярославъ Врхлицкій создаетъ за Данте хрустальной чистоты поклоненіе любимой и за Гафизомъ поетъ газэлы, но отъ cadaго его пѣснопѣнія, въ самой радости жизни и ликования, вѣетъ сосѣдствомъ грусти, нашей Славянской грусти, которая дремлетъ въ вечернемъ лѣсу и въ нашемъ, прислушивающемся ко всему въ мірѣ, замороженномъ сердцѣ.

Небольшой кругъ стиховъ, который я соединяю по первому стихотворенію въ одно

подъ общимъ заглавіемъ „Легенда о счастье“, сливается въ единую, неразрывную цѣльность внутреннею общностью настроенія. Кажется, что, когда три пилигрима заснули, каждому изъ нихъ стало сниться ихъ прошлое, и во снѣ проходитъ далекое, вѣчно-близкое, родное, являя тонкое богатство, любящей клады и ускользающей отъ Родного, чтобы вернуться къ Родному, Славянской души.

К. Бальмонтъ

ЛЕГЕНДА О СЧАСТЬИ

Три спутника сошлись въ дорогѣ къ югу,
Къ Святой землѣ былъ путь ихъ. И въ корчмѣ,
Подъ Альпами тамъ гдѣ-то, между горцевъ,
Они сидѣли. Кубокъ имъ вина
Кивнулъ, чтобъ отдохнули отъ дороги
И въ разговорѣ запутались они.

Одинъ изъ нихъ сказалъ: Не зналъ я счастья,
Вотъ почему иду въ Святую Землю.

Другой за нимъ сказалъ: Узналъ я счастье,
Но не такимъ, какимъ оно мнѣ снилось.
Дабы узнать, иду въ Святую Землю.

А третій: Я узналъ людское счастье,

Но слишкомъ тяжело мнѣ оно упало
На душу, и со мною эта тяга.
Хочу о ней скорѣй я позабыть,
И потому иду въ Святую Землю.

И выпили. И спать легли. Уснули.

Людское счастье! — То что не узнали.
Людское счастье! — Узнанное частью.
Людское счастье! — Узнанное слишкомъ.

Жаль — каждый долженъ въ путь — въ Святую
Землю.

Что не узналъ, слегка узналъ, и слишкомъ.
Какъ можно не задуматься объ этомъ!

ГОЛОСЪ ВЪ ОЧАГѢ

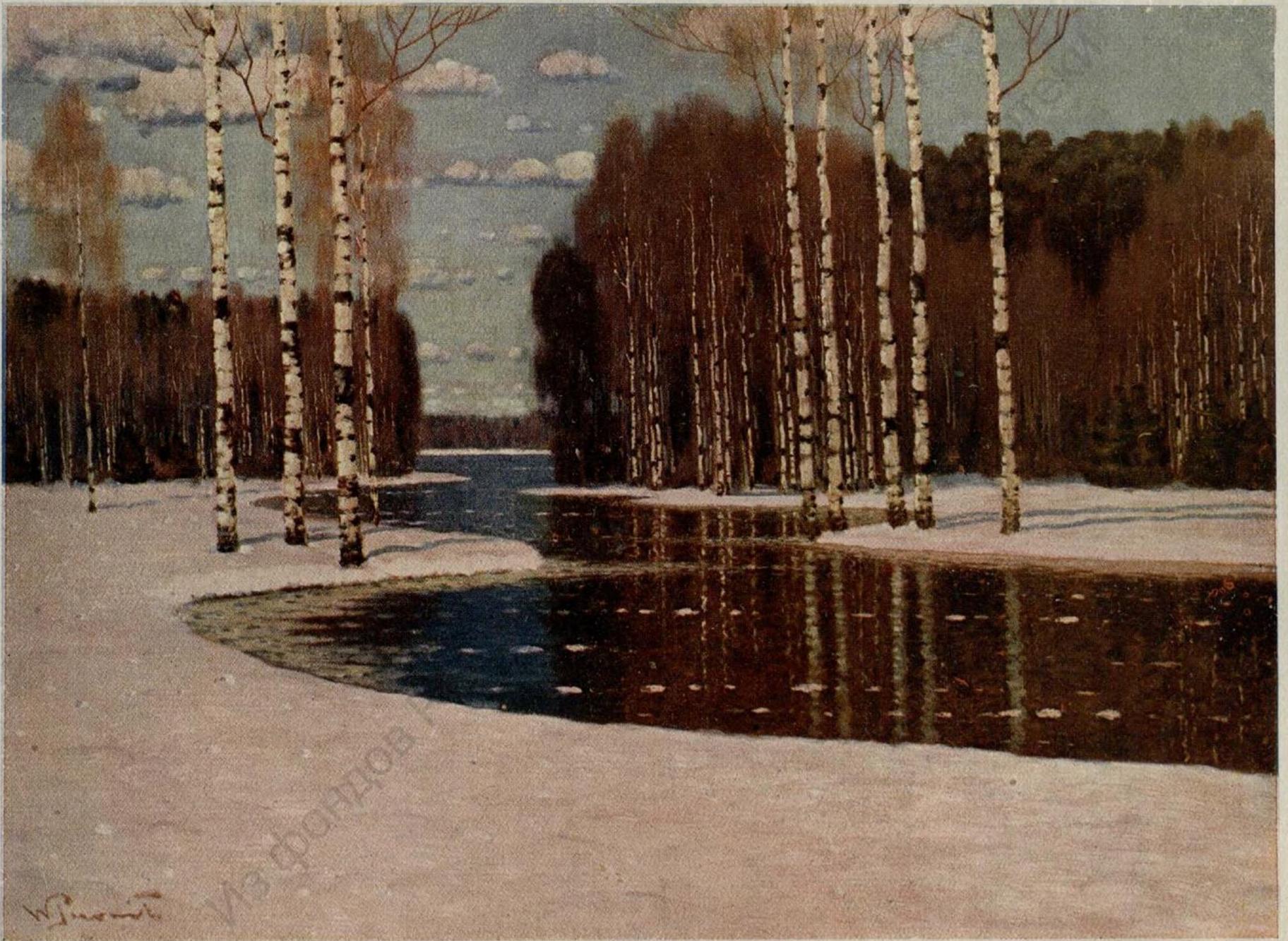
Какъ счастье дальнее, въ мой взоръ глядитъ
твой ликъ
Безгласно со стѣны. Послушаю, гдѣ вскрикъ.
Тамъ вѣтеръ въ очагѣ гудитъ, стенаетъ, дуетъ

И каждымъ голосомъ онъ что-то повѣствуетъ.
Знать, добрый домовый здѣсь дома моего.
Тамъ подъ окномъ въ снѣгу, гдѣ тихо и мертво,
Деревья голыя стоятъ, имъ что-то снится,

В. Г. Пурвиль
W. Purvit

„Первый снѣгъ“
„The first snow“

В. ПУРВИТЪ
W. PURVIT

„КЪ ВЕСЕНЪ“
„IN SPRING“

В. Г. Пурвиль
W. Purvit

„Осень“
Autumn“

Но не созрѣла мысль. Сверчокъ свой вспѣвъ
сплетаетъ,
А сердце бьетъ и бьетъ.—Въ росѣ блеститъ трава.

Взгляни на небеса.—Какой тамъ свѣтъ блистаетъ.

Невѣста подѣ фатой, задумчиво-блѣдна,
Луна возносится, тотъ обликъ обаянный,
И птицы въ гнѣздахъ всѣ, но отъ нея нѣтъ сна,
Нѣтъ сна и для сердець, въ нихъ пламень
безъимянный.

Въ груди дѣвической вздыхаетъ глубина.

Чу, вѣтра вѣянье, въ немъ шопоты живые,
Стенаетъ поцѣлуй въ шумящихъ камышахъ,
Изломы серебра — въ пески береговые,

И мотылекъ къ цвѣтку — какъ губы на губахъ.
Вотъ, сердце чувствуетъ, что есть жена, впервые.

Кругомъ спокойствіе. Всѣ спутаны черты.
Какъ косы — дѣвушка, ночь распустила тѣни.
И счастье, то, что зналъ, встаетъ изъ темноты.
Затоплень ночью ты. Въ цвѣтахъ дыханье млѣній.

Просторъ всемірности. Скажи мнѣ, что въ
немъ ты?

Я мысль. Въ ней божій свѣтъ уводитъ за предѣлы.
И божья въ немъ любовь. Душа съ душой въ одну
Сольются, какъ уста ихъ знали сонъ свой смѣлый.
Нашъ поцѣлуй всегда разбудитъ тишину.
Свидѣтель ты, луна. Ты видишь, лебедь бѣлый?

ПѢСНЯ

Отъ ночи къ утру мгла на морѣ,
Отъ ночи къ утру сердце въ горѣ,
Въ тотъ долгій-долгій часъ, въ борьбѣ,
Какъ бѣлый снѣгъ летитъ въ мятели,
Всѣ сны мои, спѣша, летѣли
Къ одной тебѣ,
Любовь, къ тебѣ!

Предъ взоромъ грустный путь и длинный,
Здѣсь цвѣтъ мнѣ дышетъ апельсинный,
И тихо молваю я къ себѣ: —
Въ ея бы кудри тѣ расцвѣты:
И весь восторгъ, и всѣ привѣты
Отдать тебѣ,
Любовь, тебѣ!

Всю ночь лелѣялъ муку злую,
 Мнѣ снилось — всю я ночь цѣлую
 Ту нѣгу рукъ, гдѣ путь къ судьбѣ,
 И губы до сихъ поръ въ дрожаньи,
 А сны за вѣтромъ въ послушаньи
 Летятъ къ тебѣ,
 Любовь къ тебѣ!

ПОДСОЛНЕЧНИКИ

Круговые подсолнечники,
 Золотые подсолнечники,
 Для чего, любопытные, вы
 Къ намъ взглянули въ окно?

О, какъ жадно тянулись вы здѣсь,
 Какъ тѣснились, свѣтились вы здѣсь,
 Дотянулись вы мягкой рукой
 До подушки ея.

Тамъ ея былъ красивѣйшій ликъ,
 То лицо близъ лица моего,
 И прозрачно рыдали вдали
 Звонкоспѣвы дрозда.

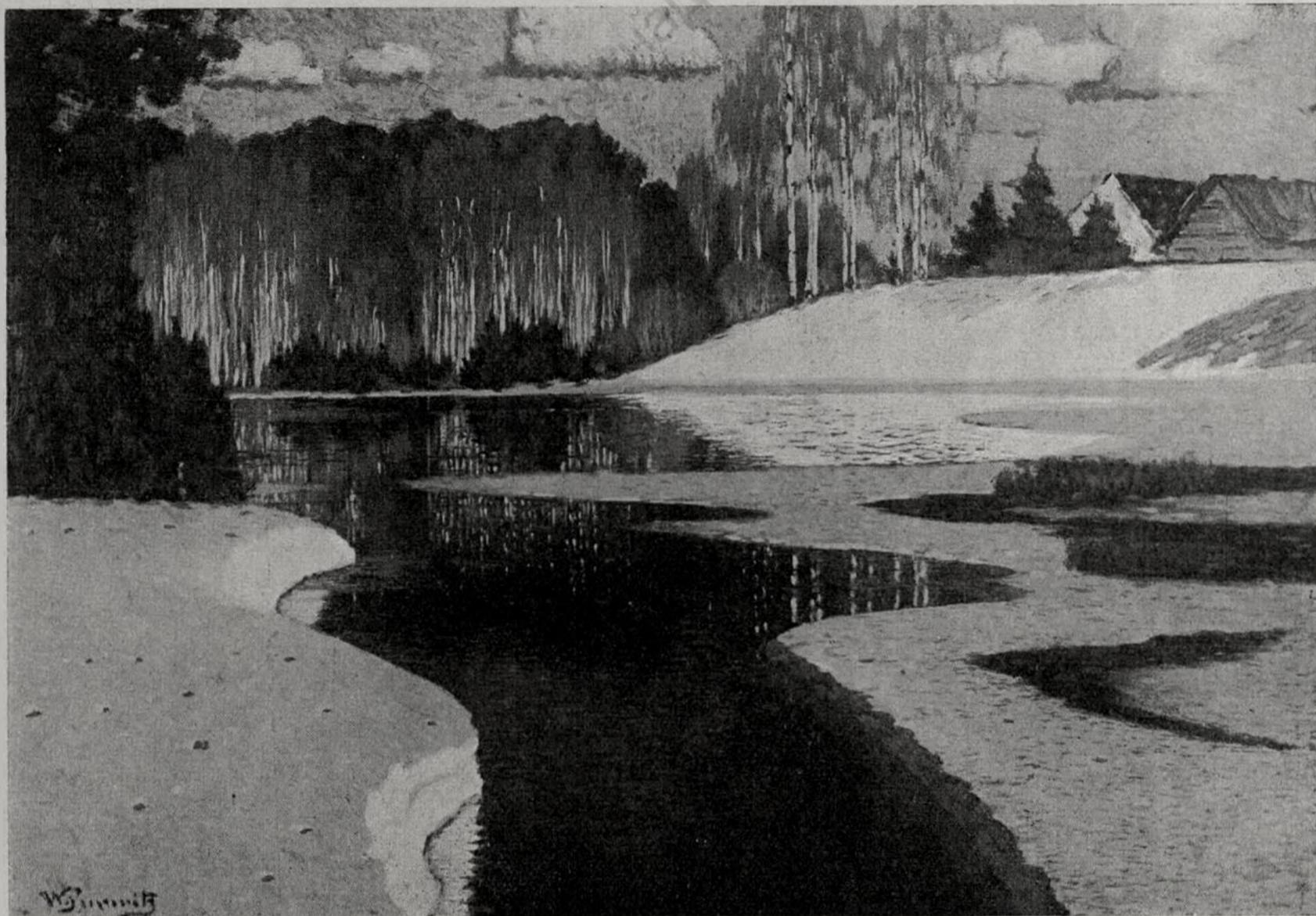
О, большіе подсолнечники,
 Золотые подсолнечники,
 Вы смѣялись, въ свѣтлицу глядя,
 Въ золотое окно.

ИСПОВѢДЬ

Я изъ чаши, міромъ данной, пилъ довольно,
 Я отъ стрѣлъ отравныхъ ликъ свой крылъ
 довольно,

Изъ ларцовъ воображенья
 Жемчуга низалъ, и нить я длилъ довольно,
 Золотыя зерна мыслей,
 Хоть и вѣялъ коршунъ-буря, лилъ довольно

Богъ любви пока смѣялся,
 Я вѣнки изъ ласкъ и счастья вилъ довольно,
 Много зналъ, и много зрѣлищъ,
 Рокъ игралъ, — ихъ зрящимъ нѣмо былъ довольно,
 Все же молвить не могу я, —
 Пусть бы снѣгъ сѣдинъ узналъ, — что жилъ
 довольно.

В. Г. Пурвиль
 W. Purvit

„Рѣка вскрылась“
 „The ice has broken“

В. Г. Пурвигъ
W. Purvit

„Уголокъ Ревеля“
„A corner of Revel“

ПОКОЙ

Выше всѣхъ царскихъ вѣнцовъ мнѣ — покой,
Кладъ на землѣ величайшій — покой,
Тихій, глубокий, въ немъ тѣнь, аромать,
Съ древа вѣтвями нисходитъ — покой,

Трепетный, звѣздный, бездонный и въ снахъ,
Ночь на крылахъ поспѣшаетъ — покой,
Къ каждой работѣ склоненъ онъ всегда,
Къ злу лишь нѣмой онъ, всегласный — покой.

НА КРЫЛЬЯХЪ ВѢТРА

Чу, вѣтеръ, чу, крылья—что кругомъ стремится?
Все — радость восторга, все болью грозитъ,
Деревья замшоны, склоняются книзу
И папортникъ въ цвѣтѣ качнулъ свою ризу,
Въ кустахъ, на деревьяхъ, всѣ гнѣзда въ качаньи,
Все пляшетъ, все въ зыби, въ содружномъ зву-
чаньи,
Камышъ на побережьи и травы дубровы,
Листъ свѣтлой березы, листъ темный ольховый,
И птицъ перекличка, тотъ звукъ перемѣнный, —
Не сказъ—ли то лѣса, не вскрикъ—ли вселенной?

Душа вся въ восторгѣ и болью томится,
Нашель свои струны вздохъ вѣтра въ ней каждый,
На звуки въ ней отзвукъ, въ ней брызги для жа-
жды,

И все въ ней глаголетъ, отвѣтъ перемолвный,
Взмахъ крыльевъ, духъ травный, и скалы, и волны,
Тропинка и мшинка, былинки по кочкамъ,
Дубъ машетъ верхушкой, цвѣточекъ звоночкомъ,
Все явственнѣй шелестъ, кровь въ жилахъ чуде-
снѣй, —

Счастливецъ, ты въ лѣсѣ, въ дремучемъ, ты въ
лѣснѣ.

Чу, вѣтеръ, чу, крылья,—что кругомъ стремится?

К. Бальмонтъ

Н. И. МИШЕЕВЪ

„ВОТЪ ДАКЪ ЦАРСТВО!.. ВОТЪ ДАКЪ ГОСУДАРСТВО!..“

(Къ юбилею Г. Д. Гребенщикова — 1906 г. м. апр. 1926 г.)

„Много геніевъ ходитъ босикомъ
по берегу Волги“.

Тургеневъ

I

„Отецъ — удалой, выносливый и загрузив-
шій въ работникахъ и шахтѣ челоуѣкъ. Мать
— нѣжная и хрупкая мало пригодная къ тяже-
лому труду женщина, взрошенная на ковыль-

ныхъ просторахъ Иртыша, мечтательница, бого-
молица... Молодые супруги, отецъ 24 лѣтъ и
мать 19 лѣтъ, уходятъ на борьбу съ нуждой,
не получивши въ надѣль „ни кола, ни двора“...

котораго, оказывается, находятся въ самомъ ближайшемъ родствѣ съ народомъ, заполнившимъ страницы произведений Г. Гребенщикова.

Эти два писателя творятъ великую культурную миссію, какъ „ходоки“ и „ходатаи“ за русскій народъ предъ всѣмъ міромъ.

V

„Когда онъ навѣщалъ Румянцевскій музей или Третьяковскую галерею, когда читалъ Аксакова, Тургенева, Толстого, когда слышалъ что-либо о Рѣпинѣ, когда слушалъ „Онѣгина“ или „Снѣгурочку“, когда смотрѣлъ чародѣевъ Московскаго Художественнаго Театра — онъ упивался грезами о будущемъ своей родины и забывалъ навязчивые призраки изъ прошлаго. Но кратковременный восторгъ быстро проходилъ и снова смѣнялся грустными думами. Москва опять превращалась въ безформенныя массы грубаго сырья, въ море пьяныхъ, въ океанъ опаснаго горючаго матеріала... Дня за два до отъѣзда изъ Москвы Василій, увлеченный описаніемъ древнѣйшихъ иконъ, задержался въ лѣтнемъ храмѣ на Рогожскомъ кладбищѣ почти до вечера. Когда онъ вышелъ изъ сумрачнаго, еще хранившаго накопленную подъ казенными печатями полувѣковую плѣсень храма и вдохнулъ въ себя струю свѣжаго воздуха, надъ нимъ раздался мощный благовѣсть, и, какъ живой, всталъ образъ Сергія Радонежскаго. Вотъ, о комъ онъ забылъ, когда обвинялъ Московскую Россію. Василій невольно задержался на паперти и залюбовался игрою

розовыхъ лучей заката на крестѣ новой колокольни. Возвышаясь отдѣльно отъ храма, она показалась Василію похожею на сказочнаго гиганта-витязя, смотрящаго съ горы куда-то вдаль... Могучій витязь точно ожилъ. Въ красной кольчугѣ, въ тяжеломъ сѣромъ шлемѣ съ остроконечнымъ верхомъ, заканчивающимся золотымъ крестомъ, онъ зычно повторялъ какое-то одно могучее, большое, еще никѣмъ не понятое слово. Да, это монахъ и витязь! Русь грядущая!.. Василій задержалъ дыханіе отъ восторга передъ силой постучавшагося въ его душу символа и тутъ же вспомнилъ, что скоро долженъ уѣхать изъ Москвы... Въ то-же время онъ почувствовалъ, что ни за что на свѣтѣ и никому не отдастъ-бы свою тоску, вцѣпившуюся въ сердце вмѣстѣ съ осиротѣлою любовью. Вѣдь это она, тоскливо-зазвучавшая, какъ тронутая тонкая струна, любовь заставила его съ такою ищущею зоркостью глядѣть на Божій міръ, на человѣка, на природу и на все, что вырастаетъ и цвѣтетъ подъ свѣтомъ солнца. Вѣдь все лучшее, что въ немъ скопилось, — взлелѣяно тепломъ любви, и теперь, когда на смѣну ей пришло страданіе, душа, какъ будто еще шире распахнулась навстрѣчу жизни и ищетъ въ ней живого Бога, чтобы отдать Ему все то, что вскормлено любовью. Теперь Василію какъ будто сталъ понятнымъ зычный зовъ каменнаго крестоносца-витязя, и онъ готовъ былъ все простить Москвѣ за то, что наконецъ-то угадалъ, увидѣлъ въ ея сердцѣ самое великое, самое святое: выстраданную, придав-

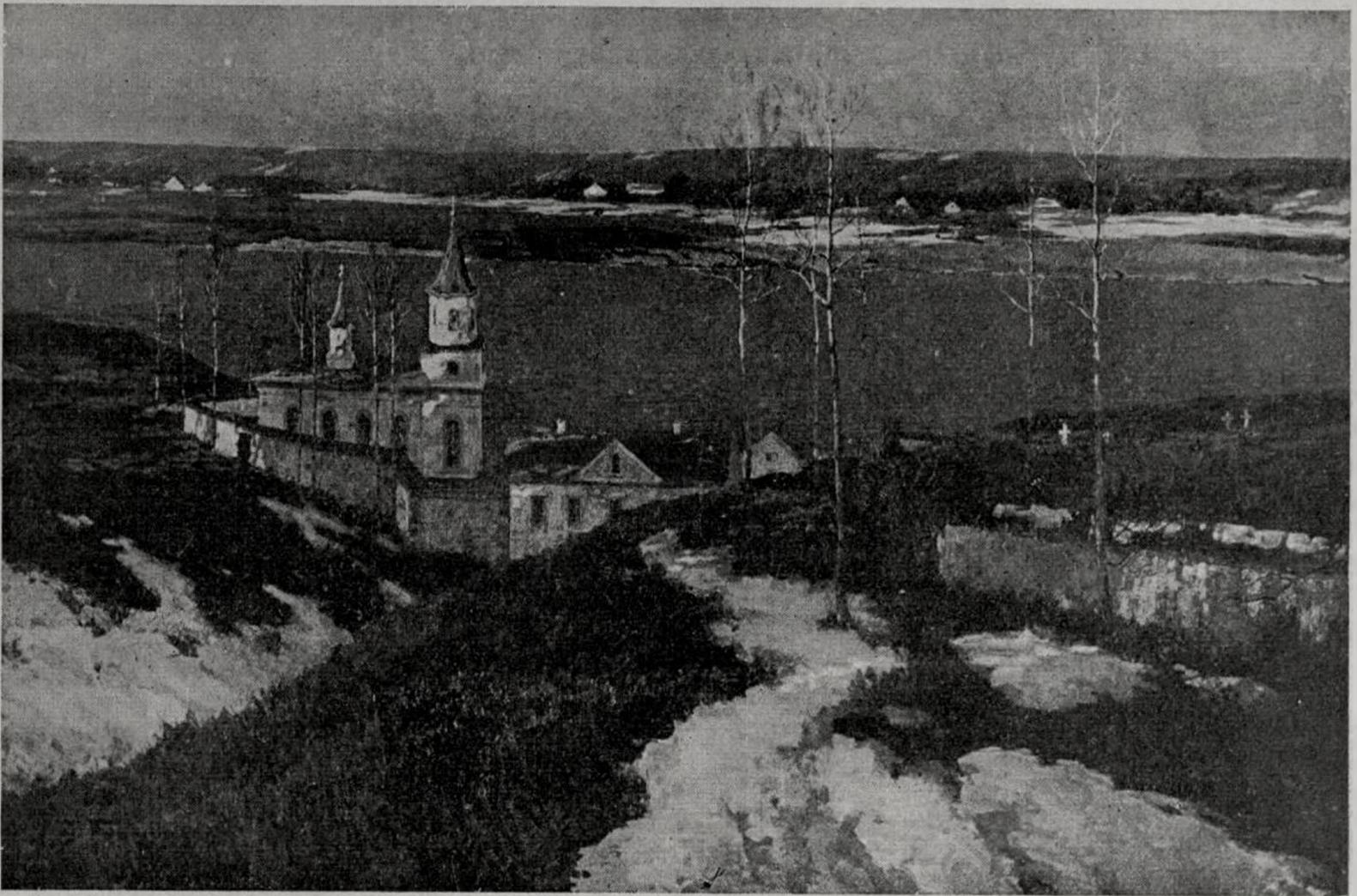
В. Г. Пурвиль
W. Purvit

„Лунная ночь“
„Moonlight“

В. ПУРВИТЪ
W. PURVIT

„ДОЛИНА РЪКИ АА У ЗЕГЕВОЛДА“
„THE VALLEY OF THE AA RIVER AT ZEGEVOLD“

В. Г. Пурвиль
W. Purvit

„Послѣдніе лучи“
„Last rays“

— Атлантидась...

— Капитанъ, она вспомнила — я радостно оглянулся на Андре.

Онъ стоялъ за мной, суровый и грозный, съ нависшей на глаза сивой гривой.

— Нѣтъ, она только повторила ваши слова.

Прижимая горячее лицо къ моимъ ладонямъ, что-то смутное и гармоничное бормотала Юнгайя.

Звукъ ея голоса замиралъ, подымался. Но это были тяжелые, непонятные стоны нѣмого.

Андре, слушая, зажалъ въ кулакъ бѣлые ручьи бороды.

— Такъ, такъ — ворчалъ онъ.

— Вы поняли ее? — тихо спросилъ я, когда дѣвушка умолкла...

— Мгновеньями — да... Нѣтъ, эта дѣвушка не съ Атлантиды... Другое, великое, непонятное свершилось въ этомъ ущельи... Я что-то понялъ... Нѣкогда на зеленомъ островѣ жили люди... Они бились съ травами... Гибли... Борьба съ зеленой смертью превратила ихъ въ крылатыхъ, въ тѣхъ Безмолвныхъ... Люди Зеленаго Острова поднялись на Созвѣздіе... А она, ея отецъ, ея мать, они были послѣдними... Ихъ охватили, опутали травы... Тутъ была великая катастрофа. Она бѣжала въ горы, во льды... Это мои догадки, я зналъ, что ущелье живое, что оно кишить людьми, превращенными въ травы... Я разбужу его, я подыму всѣхъ...

Костлявыя руки Андре забились надъ головой, затряслись, глаза безумно пылали:

— Всѣ будутъ живы, всѣ!.. Мнѣ только найти — человѣческую клѣтку въ растеніи... Побѣда будетъ за мной! Побѣда! Побѣда!

Вдругъ Андре умолкъ, приложивъ палецъ къ губамъ и страшно повелъ глазами:

— Но почему темно въ окнахъ?

Онъ безшумно подбѣжалъ къ люку. Его губы задрожали:

— Моя иллюминація, моя электрическая сѣть... Все погасло! Тьма!

И вдругъ крикнулъ:

— Травы! — и бросился на палубу.

Я и Юнгайя поднялись. — Подъ лѣпнымъ потолкомъ каюты билась, какъ лохматая громадная бабочка, кохинка. Крыса съ разбѣга прыгнула ко мнѣ на плечо...

Палуба потемнѣла. Надъ бортами подымались темныя гривы травъ, точно готовыя обрушиться волны.

Они ползли снизу, съ трясинъ, огромные концы змѣились, курчавились... Нашъ корабль какъ будто погрузился въ мутныя зеленыя воды...

Электрическая сѣть перегорѣла и травы безъ преградъ шли на приступъ.

Гигантскіе гибкіе корни, ежась, ползли по бортамъ, по желѣзу, качались, шипя, какъ связки зеленыхъ удавовъ на рѣшеткахъ, на окнахъ каютъ.

— Бейте изъ батареи! — издали крикнулъ Андре. — Я осмотрю провода!

Облако разрыва, трескъ, струя огня, тошный дымъ. Это похоже на безшумный артилле-

— Но это... Но тамь... Какъ это у васъ называется. Я читаль...

— Тамъ аэропланъ, капитанъ... Тамъ люди, спасеніе!..

Надъ трясиной, зацѣпивъ крыломъ лѣстницу, повисъ летательный аппаратъ.

Мы втроемъ сбѣжали къ нему, прорубаясь топорами въ заросляхъ.

Обвѣшанные стеблями, зелеными волокнами, въ кускахъ мокраго мха, — оборванные, тяжело дышашіе, мы походили, вѣроятно, на лѣшихъ...

Но аппаратъ пусть... Ни одного слѣда на сырой травѣ. Дверка кабинки открыта... Людей нѣтъ. Окно разбито.

Въ кабинкѣ, на кожаномъ маленькомъ креслѣ, брошены пустыя консервныя банки, помятые бидоны съ бензиномъ, инструменты...

Обшивка потерта, но виденъ черный номеръ и цифра 2... Вторая цифра точно сцарапана.

Сброшенная машина съ помятымъ моторомъ, съ разбитыми стеклами, говоритъ о крушеніи, о гибели въ туманѣ.

Безмолвные принесли въ ущелье этотъ стальной островъ, также какъ невѣдомое подводное теченіе выносить сюда потонувшіе корабли.

На мѣдныхъ частяхъ моторовъ, которые лоснились масломъ, я отыскалъ выпуклыя буквы: „Ролль-Рейсь“.

Въ кабинкѣ, капитанъ Андре поднялъ стопку листовъ.

Тутъ же, у колесъ, мы рассмотрѣли находку. Эти тонкіе листки, вѣроятно, были вырваны изъ записной книжки. Бумага просвѣчивала водянымъ знакомъ — левъ на глобусѣ.

Записи карандашомъ, почеркъ торопливый, скачущій. Стерты концы строкъ:

„3.100 кило груза. 5 часовъ вечера, на борту...“

„Туманъ...“

„10 часовъ вечера. Западъ“.

„Половина бензина истрачена“.

„Если это 88° 31' сѣверной широты“...

„Туманъ“...

„Ледяныя горы“...

— Люди, — тихо сказалъ я, — изслѣдователи...

Они погибли у ледяныхъ горъ, — также тихо сказалъ Андре, — 88°31' сѣверной широты... Еще до полюса... Они не долетѣли до тѣхъ бѣлыхъ полей, куда теченіе принесло вашу шхуну... Вѣчная память...

Андре прочелъ краткую заупокойную молитву.

— А теперь назадъ, иначе травы захватятъ насъ...

— Но, капитанъ, мы подыдемъ машину на борть, — говорю я твердо.

— Хорошо, если вы хотите.

— И мы исправимъ ее.

— Кажется, это не трудно.

— И тогда мы... я не могу говорить, судорога радости стиснула мнѣ зубы.

Сѣдя брови Андре косо взлетѣли:

— Тогда вы улетите.

— Да. Мы всѣ.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ быстро вбѣжалъ по лѣсенкѣ въ кабинку, мелькнулъ за рулемъ. Его глаза влажно и радостно засіяли.

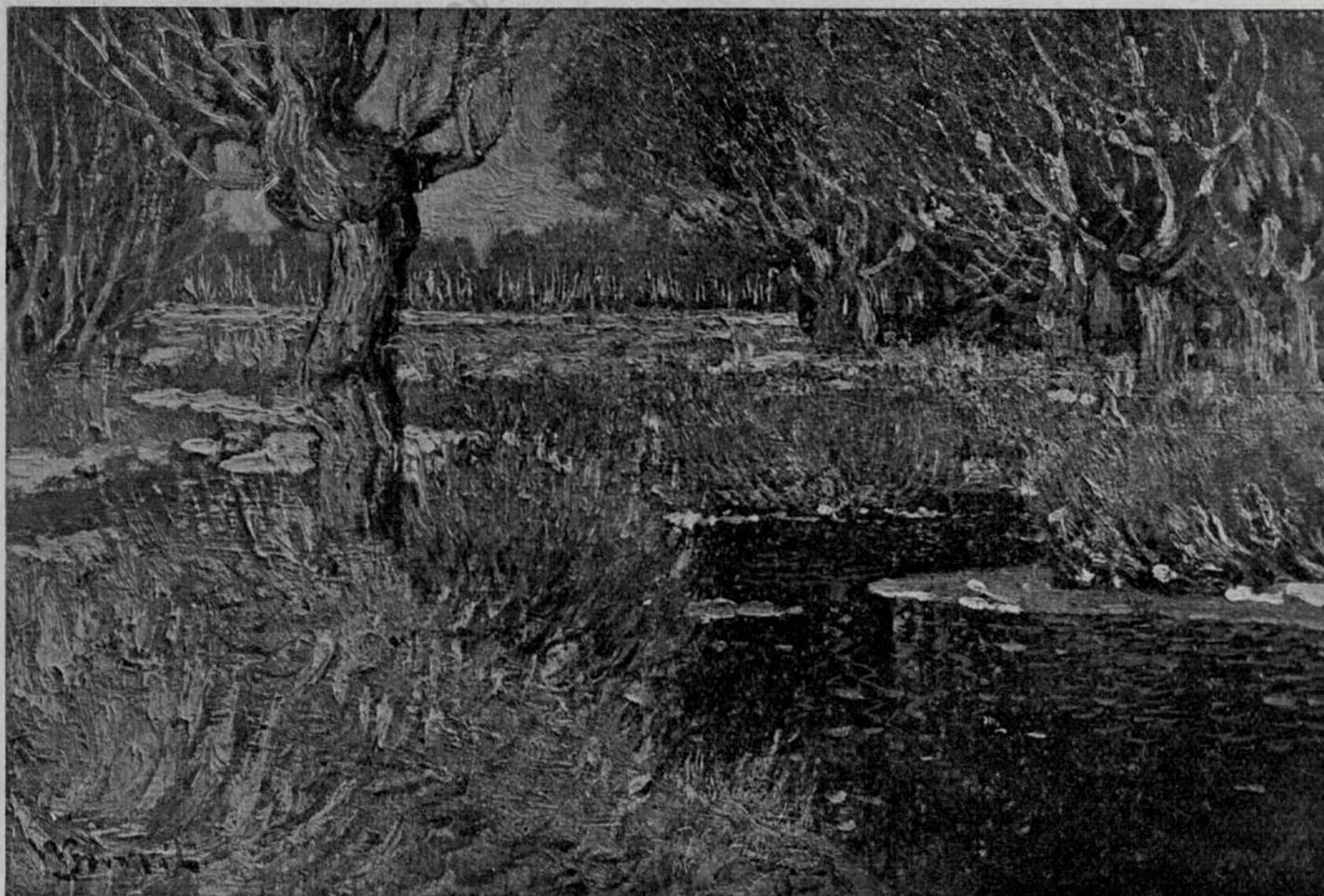
— Это лучше воздушнаго шара, моего дряхлаго слона... Это прекрасно.

— Пилотомъ будете вы, капитанъ.

Андре засмѣялся:

— Посмотримъ... Но скорѣе за работу. Какъ мы звали Ванъ-Киркена...

Мы придумывали сотни ласковыхъ именъ, умоляли, выкрикивали ругательства, ярыя проклятія; я даже стрѣлялъ...

В. Г. Пурвиль
W. Purvit

„Ивы возлѣ рѣки“
„Willows by the river“

В. ПУРВИТЪ
W. PURVIT

„ВЪ ПРОВИНЦИЯ“
„IN THE COUNTRY“

В. ПУРВИТЪ
W. PURVIT

„ВЪ ПРОВИНЦИИ“
„IN THE COUNTRY“

В. Г. Пурвиль
W. Purvit

„Оттепель“
„The melting snow“

— Но машина исправлена, капитанъ. Пора въ дорогу...

Андре встаетъ, опираясь на столъ. Онъ не узнаваемъ: его дряхлость исчезла. Что-то гордое и что-то стремительное въ поворотѣ головы. Что-то непобѣдимое въ стиснутыхъ губахъ, въ томъ, какъ твердо прижаты къ столу смуглыя, крѣпкія ладони... Онъ усмѣхается:

— Я остаюсь.

— Вы шутите не во время, капитанъ.

— Нѣтъ, я остаюсь...

Эта покойная улыбка, эта гордая бѣлая голова, это старческое лицо, озаренное сильнымъ пыланіемъ лампъ, на мигъ бѣсятъ меня;

— Тогда я возьму васъ силой...

Сжавъ кулаки я иду на него.

— Остановитесь, выслушайте... — капитанъ отстраняетъ меня рукой.

— Хорошо, я буду слушать... Но бензинъ выгораетъ... Скорѣе.

— Ванъ-Киркенъ уничтожилъ все... Мнѣ удалось возстановить... И я двинулся дальше... Я очень близокъ къ концу.

— Къ какому концу? Я морякъ и въ вашихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ ничего не понимаю... Торопитесь... Бензинъ выгораетъ...

— Я буду говорить просто... Тутъ на кораблѣ два холма, могилы Стриндберга и Френкеля... Въ нихъ колышутся и дышатъ мои товарищи... Ихъ тѣла растеклись по растительнымъ клѣткамъ, по неисчислимымъ волокнамъ, тончайшимъ волоскамъ... Они превращены въ травы, но я огородилъ ихъ, я знаю гдѣ они... А зеленое ущелье, громадные шиповники, па-

поротники, водоросли, влажные трясины... А смутный рассказъ Юнги... А Ванъ-Киркенъ, обросшій мхами, какъ жаба... А травы, которыя безъ устали идутъ на приступъ... Поймите, весь этотъ Зеленый Островъ кишитъ тысячами душъ... Когда-то здѣсь была человѣческая жизнь. Но растенія побѣдили... Можетъ быть, тотъ ледяной городъ у Золотого Пика послѣдній слѣдъ человѣка. Травы стерли тутъ человѣческую жизнь, она растеклась по миллионамъ нитей — волоконъ, напоила корни, согнулась въ узлы зеленыхъ вѣтвей... Но кругомъ насъ — люди, живые люди, превращенные въ травы — и въ ущельи, на корабляхъ, въ трясилахъ — души героевъ, вождей, воиновъ, жрецовъ — слышите, они колышутся, шумятъ...

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что смерти нѣтъ, что Стриндбергъ и Френкель живы... Годы бродилъ я тутъ одинъ съ этой мыслью... Я многое нашель. Вы видѣли, что я разгадалъ сонъ льда, побѣдилъ замерзаніе. Но это открытіе меня не утѣшало... Я искалъ и я скоро найду въ этихъ тончайшихъ зеленыхъ волокнахъ живую человѣческую клѣтку. И тогда я найду обратный путь отъ травы къ человѣку, отъ смерти къ жизни. Тогда въ тѣхъ двухъ могилахъ я снова найду товарищей... Какъ замерзшіе проснулись въ моихъ конденсаторахъ, такъ и они сольются и встанутъ въ моихъ цинковыхъ формахъ... Я уже знаю систему температуръ и пульсацій, вызывающихъ живое дыханье... Будетъ день, когда изъ темной лабораторіи выйдутъ на солнце мои товарищи,

засмѣются, протирая глаза, и скажутъ: — Андре, какъ долго мы спали безъ сновъ. Почему ты не будилъ насъ...

— Безуміе! — крикнулъ я, закрывая ладонями лицо, точно защищаясь отъ призраковъ.

— Нѣтъ!

Лицо капитана въ пыланіи лампъ запавшее, изсѣченное морщинами, съ пустыннымъ огнемъ остановившихся глазъ — ужасно и величественно дрогнуло, точно отъ удара молніи. —

— Нѣтъ, не безуміе! Будетъ такъ, будетъ! И тогда донесся подавленный вопль. Я задрожалъ: Это голосъ Юнгайи —

Мы оба бросились изъ каюты...

У лѣстницы въ трюмъ мы наткнулись на комья сѣрыхъ куриныхъ перьевъ въ крови. Слѣдъ, слѣдъ...

По лѣстницамъ, гдѣ мѣдные поручни сверчены въ жгуты, я сбѣжалъ въ глубину темныхъ колодцевъ — трюмовъ. Андре отсталъ...

Пробоина въ борту... Края заросли косятымъ крапивникомъ, точно изъ воздушнаго грота видна зеленоватая, мутная даль острова.

Въ косыхъ столбахъ свѣта изъ пробоины, какъ миллионы ржавыхъ иглъ, кружатся сѣмена травъ...

Тутъ на желѣзномъ полу, дорожкой красныхъ монетокъ, замелкали капли крови.

Слѣдъ, слѣдъ...

И у трюма я наткнулся на Математика.

Крыса лежала на спинѣ, съ подогнутыми въ сухія горсточки лапками. Шерсть сбилась на животѣ отъ сгустковъ крови. Голова разможжена.

Ярость затрясла меня.

Сжимая парабеллумъ, я крался въ трюмы. Изъ подъ босой ступни осыпался песокъ, шуршали вороха свисающихъ водорослей...

Тьма трюмовъ, пасти желѣзныхъ пещеръ... Стѣны сочатъ влажную плѣсень... На желѣзный полъ, мнѣ на голову, каплетъ противная, теплая слизь, травяная жижа. —

Я крадусь между бочекъ, ящиковъ, обросшихъ мхомъ, давно превращенныхъ въ мягкіе скаты, курганы...

Внезапно во тьмѣ подо мной мигнулъ красноватый туманъ огня...

По отвѣснымъ ступенькамъ я неслышно соскользнулъ внизъ. Повисъ...

Подо мной у костра стоитъ на колѣняхъ Ванъ-Киркенъ. Его морщинистое темное лицо съ запавшими глазами, почернѣвшее отъ копоти и дыма, — наклонено надъ Юнги... Она связана, ротъ забитъ кускомъ чернаго сукна.

Обглоданное крыло тлѣетъ на угольяхъ. Я прыгнулъ внизъ, рукояткой ударилъ голландца по головѣ.

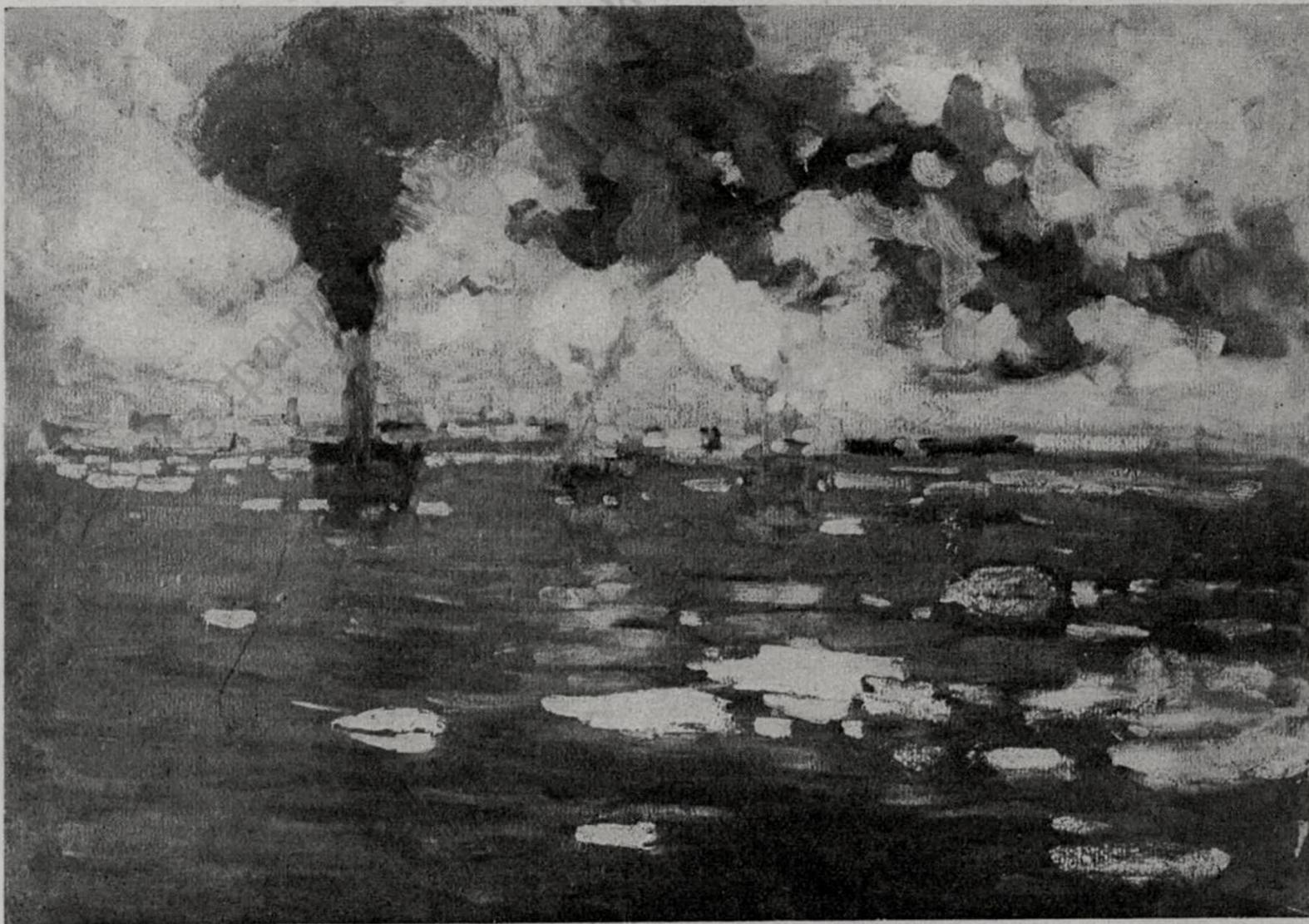
— Воръ, убійца!

Онъ поднялся — мы вцѣпились, мы покатились, грохоча, по желѣзному полу, онъ отбросилъ меня. Поднялся оскаленный, черный отъ копоти...

— Не подходи! — я навелъ парабеллумъ. — Или, клянусь Богомъ, я уложу тебя...

— Пистоль... У гипербореевъ пистоль — пробормоталъ голландецъ. Его зубы залязгали.

— Ванъ-Киркенъ, за что ты убилъ мою птицу — отвѣчай!

В. Г. Пурвиль
W. Purvitt

„Зап. Двина — Половодье“
„Western Duna — High waters“

В. ПУРВИТЪ
V. PURVIT

„ОТТЕПЕЛЪ“
„THE MELTING OF SNOW“